

А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша

Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское

Аннотация. Предметом исследования является реконструкция отдельных аспектов мировоззрения аборигенного населения Нижней Оби в XVIII вв. на основании новых археологических данных, полученных при исследовании городища позднего средневековья – нового времени Усть-Войкарское (Войкарский городок) в ходе работ 2012–2015 гг. Данные материалы впервые в полном виде вводятся в научный оборот, что определяет новизну исследования. Объектом исследования являются локальные скопления костных останков собак, находящихся в анатомическом единстве. Задачами исследования являются публикация комплексов погребений собак в контекстах их обнаружения, установление относительной хронологии их появления, проведение археолого – этнографических сопоставлений и интерпретация их появления на площади жилищ.

Войкарский городок находится на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, в приполярной зоне Западной Сибири, обладает замерзшим культурным слоем. Дендрохронологические датировки построек, где обнаружены останки собак, позволяют определить время их появления приблизительно серединой XVIII в. На основе стратиграфических наблюдений делается вывод об использовании с этой целью площадей уже покинутых жителями жилых построек.

Северо-таёжная зона Нижнего Приобья исторически является местом проживания северных хантов, которые в основе своего этногенеза имеют как угорский, так и самодийский компоненты. Представителями группы северных хантов являются войкарские ханты, с которыми связано функционирование Войкарского городка. Особое отношение к собаке известно как у самодийцев, так и у обских угров, однако формы её почитания, проявляющиеся в обрядовой деятельности этих этнических групп, имеют, порой, противоположное выражение. У северных хантов, в силу их этнической многокомпонентной основы, проявляется двойственное отношение к собаке, сочетающее обе традиции.

Результатом исследования является обоснование положения о том, что, в данном случае, можно говорить о существовании у войкарских хантов традиции преднамеренного захоронения собак, как животного-жертвы, в ходе ритуалов оставления жилища.

Ключевые слова: Нижнее Приобье, Войкарский городок, XV–XIX вв., северные ханты, преднамеренные погребения собак на площади жилищ.

A. V. Novikov, Yu. N. Garkusha

Problems of interpretation of the domestic dogs' burials at the settlement Ust-Voykarskiy

Abstract. The subject of research is the reconstruction of some aspects of world-view of the aboriginal population of the Lower Ob in the XVIII centuries on the basis of new archaeological data obtained in the process of study of the settlement of the late Middle Ages – new time of Ust-Voykarskiy (Voykarskiy town) during 2012–2015.

These materials for the first time are introduced into scientific circulation in full extent; it determines the novelty of the research. The objects of the research are local accumulations of skeletal remains of dogs that are in anatomical continuity. The objectives of the study are publications of complexes of burials of dogs in the contexts of their finding, establishment of a relative chronology of their appearance, execution of archaeological and ethnographic comparisons and interpretation of their appearance at areas of the dwellings.

Voikarskiy settlement is situated on the territory of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, in the subpolar zone of Western Siberia; it has frozen cultural layer. Dendrochronological dating of

constructions, where remains of dogs were found, allows us to determine the time of their appearance approximately in the middle of the XVIII century. On the basis of stratigraphic observations it was concluded that the use with this purpose of the area is already abandoned by the residents of the dwellings.

The North-taiga zone of the Lower Ob region historically was the place of living of the Northern Khanty who in the basis of their ethnogenesis has both Ugric and Samoyedic components. Voykar Khanty are representatives of the group of Northern Khanty; the functioning of Voykarskiy town is related with them. Special regard to a dog is known as the Samoyeds and the Ob Ugrians; however, the forms of its worship manifested in the ritual activities of these ethnic groups sometimes have the opposite expression. Among the Northern Khanty, because of their ethnic multi-component basis, an ambivalent regard to a dog is manifested, combining both traditions.

The result of the study is the substantiation of the statement that, in this case, we can speak about the existence of the tradition of intentional burial of dogs as an animal-sacrifice in the process of the rituals of leaving of their dwellings by the Voykar Khanty.

Key words: the Lower Ob region, Voykarskiy town, XV–XIX centuries, the Northern Khanty, intentional burial of dogs in areas of dwellings.

Результаты исследований ряда средневековых археологических памятников Северо-Западной Сибири, отличающихся наличием мерзлоты в культурных слоях, делают возможным всестороннее изучение различных сфер деятельности древнего населения региона. Исследования одного из таких археологических объектов с мерзлотой – городища Усть-Войкарское, позволило получить новые факты в области «участия» собак в ритуальной деятельности аборигенного населения Северо-Западной Сибири.

Археологическое изучение городища Усть-Войкарское, отождествляемого с известным по письменным источникам Войкарским городком, проводится с перерывами с 2003 года [1–6]. Памятник расположен в Шурьшкарском районе ЯНАО, в 2 км к северо-востоку от д. Усть-Войкары. Место расположения памятника приурочено к южному окончанию полуострова, ограниченного левобережной поймой протоки Горная Обь.

Этническая атрибуция памятника

Северо-таежная зона Нижнего Приобья являлась, и до сих пор является, местом проживания этнографической группы обских угров – северных ханты. Северные ханты сформировались на основе контактов различных групп самодийского и угорского населения [8, 117–118, 216, 250]. В бассейне р. Войкар на основе самодийского субстрата и миграций угорского на-

Территория, занимаемая городищем, представляет собой холм длиной около 100 м, вытянутый по линии С-Ю, и шириной до 50 м. Верхняя площадка холма неровная, длиной около 60 м, шириной 15–20 м. Изысканиями была охвачена северо-западная часть холма, включая участок склона с подножием и площадь, протяженная вдоль западной границы верхней площадки. Во многом эта возвышенность состояла из накопленных органических культурных отложений, сформированных на основе щепы и других остатков деревообработки, и содержащих образования многолетней мерзлоты. Для исследованных в период 2003–2008 гг. ряда архитектурных конструкций были получены дендрохронологические датировки. Образцы древесины, взятые от сооружений, расположенных у подножья холма, были датированы XIV и XV вв., на вершине холма – XVII – концом XIX вв. [7].

селения сформировалась территориальная этническая группа – войкарские ханты [8, 118–119; 9]. Население Войкарского городка также предварительно было охарактеризовано как угро-самодийское [2, 17], однако вопрос о степени соответствия имеющегося материала разным этническим группам остается ещё не решенным.

Описание погребений собак

В процессе полевых исследований 2012–2015 гг. на памятнике были выявлены останки трех особей собак. Они представляли собой локальные скопления костных останков домашних собак (*Canis lupus familiaris*, далее – «собаки»), сохранивших анатомическую целостность. Особенностью контекста расположения останков животных является их приуроченность к внутреннему пространству жилых построек. Жилые строения, сооруженные на верхней площадке холма, образуют две группы, имеющие различные планиграфические характеристики: это малоразмерная застройка с длиной стен 2,5–3 м и крупногабаритные строения с длиной стен 6–7 м. Отличия между группами присутствуют также в архитектуре и планировочных решениях, использованных в интерьере [10; 11]. Останки собак были обнаружены в по-

стройках обеих групп. Скелеты животных были обнаружены после снятия почвенных отложений, на глубине 0,2–0,25 м от дневной поверхности, на участке контакта грунта со слоем щепы – основной составляющей культурных отложений.

Погребение № 1 (рис. 1). Останки собаки располагались в срединной части руинированной срубной постройки № 1, на уровне второго – третьего венцов. Скелет находился в углублении, выполненном в верхнем, грунтовом слое заполнения постройки, и был засыпан мелкими древесными обломками. Останки располагались субгоризонтально: животное находилось на левом боку с ориентацией (по линии позвоночника) запад – восток; голова была направлена на запад. Под собакой обнаружен крупный фрагмент рога северного оленя.

Рис. 1. Фото погребения собаки № 1 (вид с Ю).

Погребение № 2 (рис. 2). Останки собаки располагались в 4 м к северо-востоку от погребения № 1, в центральной части участка, занимаемого наслоениями руин двух жилых построек (№ 2, 2А), последовательно возводимых в пределах практически одной площади. Стратиграфические наблюдения показали, что ко-

стные останки залежали на площади позднего сооружения – постройки № 2. Незначительный по мощности почвенный слой, перекрывающий скелет, позволяет утверждать, что его появление относится ко времени, следующему за разрушением постройки.

Рис. 2. Фото погребения собаки № 2 (вид с С).

Скелет крупной особи находился в анатомическом порядке и располагался на правом боку с ориентацией (по линии позвоночника), соответствующей направлению северо-восток – юго-запад; голова была направлена на юго-запад. Дистальные части передних конечностей были повреждены. Отсутствовала также нижняя челюсть. Труп собаки был размещен на крупном фрагменте берестяного полотна, имеющего многочисленные следы прошивки. В районе сгиба передние лапы были перевязаны плетеной веревочкой из растительного волокна. В области шеи располагался относительно длинный фрагмент кожаного ремешка, имеющего следы прошивки вдоль длинных сторон. У передних лап собаки была положена миниатюрная берестяная коробочка с расположенными в ней семенами хвойного дерева. Непосредственно под черепом собаки был обнаружен крупный фрагмент рога оленя, но в силу повсеместного распространения рогов оленя на исследованной территории городища [12, 208], как и в случае с первым погребением, соотнести его с погребением собаки сложно.

Судя по состоянию построек, прежде чем в них появились захоронения, они были частично демонтированы.

Погребение № 3 (рис. 3). Было обнаружено в центральной части крупногабаритной постройки № 9 (№ 6 по Н. В. Федоровой [2, 14]). Состояние данного сооружения позволяет предположить, что оно не подвергалось преднамеренному разрушению, а было оставлено и разрушалось постепенно. Об этом свидетельствуют остатки восточной стены: сохраняя в относительной целостности угловые сопряжения, она была завалена по всей длине внутрь помещения. Останки взрослой собаки располагались внутри деревянной прямоугольной очажной конструкции, поверх скопления золы. Они были потревожены (часть площади, занимаемой останками, было затронуто более поздним перекопом), но отдельные части скелета находились в анатомической целостности; следы погрызов и разделки туши отсутствовали.

Рис. 3. Фото погребения собаки № 3 указано стрелкой (вид с Ю).

Рассмотренные нами материалы продолжают серию аналогичных погребений, обнаруженных предыдущими исследователями на Войкарском городке, при этом также на площади прекративших ирование жилищ. В верхней части заполнения постройки № 8 (по Н. В. Федоровой), в центральной части и в одном из углов находились скелеты двух собак [2, 14].

Помимо погребений, разрозненные костные останки собак отмечены повсеместно в культурных слоях городища, но среди других останков млекопитающих занимают незначительную долю. Наибольшее их количество приурочено к слоям XVIII – начала XIX вв. [12, 209].

Анатомически целые останки собак зафиксированы и на других позднесредневековых поселенческих комплексах Нижнего Приобья. Так, в Надымском городке обнаружен скелет собаки в сопровождении останков щенков [13, 32], два скелета взрослых особей обнаружены в посадской части Полульского мысового городка [14, 119]. Отметим, что на названных памятниках останки собак обнаружены за пределами жилых построек и приурочены к горизонтам, отнесенным ко времени не позже первой

трети XVIII в. [13, 89, рис. 2.42, 90, рис. 2.43; 14, 155, рис. 2.48]. По мнению О. В. Кардаша и Т. В. Лобановой, они могут представлять собой «ритуальные жертвы-захоронения, связанные со строительством дома и, возможно, с основанием всего поселка» [13, 282; 14, 119; 15, 71], однако какой-либо аргументации в пользу того, что эти погребения являются строительными жертвами не приведено.

Вопросы относительной хронологии и датировки погребений собак на Войкарском городке.

Основой для предположений о датировке погребений собак являются данные дендрохронологии, имеющиеся по ряду построек, а также стратиграфические наблюдения. Основной массив порубочных дат древесины, использованной при сооружении постройки № 8 (по Н. В. Федоровой), приходится на середину – вторую половину XVII в., а наиболее поздние даты, появление которых связано с периодическими перестройками и ремонтом строения, приходятся на первую треть XVIII в. [7, 219–220]. Допустимо предположить, что погребения собак в этой постройке могли появиться не ранее середины XVIII в. Верхнюю границу

определяет строительство постройки № 2 (по Н. В. Федоровой); она частично перекрывает площадь первой постройки и на основе археологических материалов относится к началу XIX в. [2, 16]. Наиболее поздние даты образцов древесины, использованной в строительстве постройки № 9 (№ 6 – по Н.В. Федоровой) приходятся на рубеж XVII–XVIII вв. [7, 219].

Необходимо отметить, что в процессе археологизации руины построек были погребены под почвенными отложениями. Внешние признаки малоразмерной застройки (№ 1, 2), в которых также были обнаружены скелеты собак, практически не фиксировались. Обнаружение останков внутри крупногабаритных построек, имеющих четкую стратиграфию и определенные внешние признаки на поверхности, свидетельствует об осознанном выборе за-

брошенных строений для совершения захоронений. Безусловно, что останки собак на внутренней площади жилых построек могли появиться только после того как они были оставлены людьми и уже частично разрушены.

Таким образом, мы можем говорить о зафиксированной на Войкарском городке традиции, в археологическом плане проявляющейся в фактах обнаружения анатомически целых останков собак. Эти факты имеют следующие общие черты: 1. Погребения собак были преднамеренными (что, наиболее вероятно, предполагает предварительное умерщвление собак); 2. Все они дислоцируются на внутренней площади жилищ; 3. Погребения собак были совершены после прекращения функционирования жилищ.

Вопросы интерпретации погребений собак

Взаимоотношения человека и собаки, сложившиеся на протяжении многотысячелетнего сосуществования, представляют собой сложнейший историко-культурный феномен. Он обладает колоссальным объемом зафиксированных к настоящему времени проявлений использования и присутствия собак в различных формах бытовой и ритуальной практики, мировоззренческих системах людей. Имеющиеся исследования, посвященные изучению роли собак в традиционной культуре аборигенного населения Западной Сибири [16–20] опираются, главным образом, на этнографические источники и основаны на наблюдениях за живой культурой. Доказательная интерпретация археологических источников при этом затруднена, поскольку реконструкция обрядовой практики древнего населения с участием собак на основании анализа археологических источников представляет собой сложную в методическом плане исследовательскую процедуру, предполагающую проведение археолого-этнографических сопоставлений. Сложность интерпретации при этом, является следствием обилия и многообразия фактов – проявлений участия собак в обрядовой деятельности человека. Проведение корректных в методическом плане археолого-этнографических сопоставлений имеет обя-

зательные для этой процедуры методические ограничения. В связи с этим, интерпретация зафиксированных фактов должна быть основана на четкой локализации каждого факта обнаружения костей собак в конкретном археологическом контексте и проводиться в рамках совершенно определенной этно-культурной традиции. Отметим также, что интерпретируя единичные факты проявления какого-либо феномена культуры мы должны учитывать наличие «определенной семантической дистанции между нормой культуры и её реальным функционированием как одного из проявлений между должным и сущим» [21, 31].

Предварительная классификация находок костей собак в местах проживания древнего населения позволяет выделить несколько их вариантов [22, 175–179; 23, 73–76]. В данном случае мы имеем дело с обнаружением полного скелета животного, на внутренней площади жилища в специальном углублении, либо с сопроводительным инвентарем, что дает основания предполагать преднамеренное погребение животного. Совокупность этих общих признаков предполагает также интерпретацию зафиксированных на Войкарском городке погребений собак как следов ритуальных действий после совершения преднамеренного

умерщвления животного. Остановимся более подробно на характеристике зафиксированных ритуальных действий и, прежде

всего, на факте преднамеренного умерщвления собак.

Преднамеренное умерщвление собак в традиционной культуре угров и самодийцев

Особое отношение к собаке, в основе которого лежат мифологические представления, известно как в среде самодийцев, так и обских угров. Базовые принципы её почитания, присущие данным этническим группам, в сфере использования собаки в обрядовой деятельности, имеют противоположное выражение. В основе представлений обских угров лежит запрет на кровавые жертвоприношения, которые могут совершаться с её участием лишь в исключительных случаях [19, 55; 24, 85], в то время как для ритуальной практики самодийцев характерно использование собаки в качестве жертвы.

Нарушение запрета на убийство собаки в среде обских угров вызывало обществен-

ное порицание и приводило к различным наказаниям провинившегося [19, 55; 25, 98–99]. В одной из легенд хантов р. Юган говорится о наказании для богатыря, убившего собаку [26, 43]. Для остяков неприятие кровавой формы жертвоприношения собаки является одним из способов этнической самоидентификации. По наблюдениям К. Ф. Карьялайнена, в рассказах остяков этот обычай фигурирует как характерный для самоедов [27, 101]. Приверженность самодийцев к жертвоприношению собак нашла отражение и в фольклоре хантов [28, 64; 8, 121].

Умерщвление собаки в процедуре погребально-поминальной обрядности

Примером сочетания различных традиций является роль, которую отводят собаке при исполнении погребального обряда лесные ненцы и ханты, проживающие на одной территории, в бассейне р. Аган. Если ненцы при погребении человека, наряду с забоем оленей, прокалывали собаку палкой и клали рядом с умершим [29, 306], то ханты умерщвляли собаку в исключительных случаях – «если она сильно тосковала» [29, 301]. В то же время среди хантов рек Юган, Казым и Лямин имел место обычай убивать собаку охотника и оставлять её на могиле погребенного [30, 142, 160]. Собаку могли принести в жертву, если не было найдено тело замёрзшего или утонувшего хозяина; при этом в качестве жертвы выбирали собаку соответственно полу погибшего (р. Вах) [30, 152]. Однако другие сведения подтверждают запрет на умерщвление собаки у данных территориальных групп хантов [30, 160]. У ляминских хантов допускалось умерщвление собаки, если человек предчувствует свою смерть. В этом случае он был вправе задушить свою собаку, «унести с собой» [26, 177]. Двойственное отношение к собаке отмечено у сынских хантов, когда традиции

одной фамилии допускали убийство собаки (в том числе, в качестве погребальной жертвы), а традиции другой – запрещали [31, 191]. Однако, если умерщвление собаки, в силу каких-либо обстоятельств было неизбежно, то для исполнения приговора сторонники запрета могли пригласить представителя другой народности; практиковалось бескровное умерщвление [31, 173, 191].

По наблюдениям Е. В. Переваловой, территорией, где наиболее заметно были представлены обе традиции – как умерщвления (самодийская), так и неприятия умерщвления (угорская), являлось Нижнее Приобье. Такая ситуация не могла не отразиться на особенностях почитания собаки северными хантами [8, 292–293]. К примеру, ещё до не давнего времени войкарскими хантами проводился обряд, посвященный родовым духам, во время которого в жертву приносилась собака [8, 235–236]. Христианизация аборигенного населения привела к появлению суррогатных форм языческой обрядности, затронувших и сферу жертвоприношений, связанных с умерщвлением животных, в частности, собак. В сообщениях участников миссионерских

поездок, совершавшихся по Обдорской волости в конце XIX в., зафиксированы случаи использования остяками креста, на ко-

торый вешают приносимых в жертву собак [32, 170].

Преднамеренное умерщвление собак для получения меха

Существуют многочисленные свидетельства того, что на территории Нижней Оби среди остяков и самоедов распространенным явлением было ношение одежд из собачьих шкур [8, 292; 32, 119], что предполагает их преднамеренное умерщвление. У некоторых групп хантов р. Питляр и р. Кунноват не возбранялось носить одежду из собачьих шкур, что также противоречит запрету на её умерщвление [8, 289, 291]. По сообщению Н. Л. Гондатти, «инородец-оленеvod ... старых больных или увечных [собак] убивают и их шкурки с длинным белым пушистым волосом ... идут на отделку разных частей зимней одежды» [33, 118]. Не являлось чем-то особым разведение собак для последующего забоя и хозяйственного использования либо для торгово-меновой деятельности [8, 293].

Среди манси, у которых исследователи отмечают негативное отношение к убийству собак, в том числе и к жертвоприношению [см., например: 34, 228 – 229; 32, 208], также известны примеры использование трупа собаки как для ритуальных целей, так и для получения меха. Указанием на использование собачьих шкур является приведенное К. Д. Носиловым образное мнение старого вогула из верховьев р. Конды, в котором он негативно оценивает наблюдаемые им изменения условий жизни: «а ныне и белой собачьей шкурки у других нет на подоле, для прикрасы» [34, 117]. Кроме того, шкура собак могла быть использована и в ритуальных целях. Н.Л. Гондатти сообщает о шаманских бубнах манси, обтянутых собачьей кожей [35, 12].

Преднамеренное умерщвление собак в ходе селекции

Традиции обских угров допускали преднамеренное умерщвление собак с целью сохранения и закрепления в дальнейшем проверенных охотничьих качеств. Появившихся со стороны непородистых собак убивали; также умерщвлялись щенки, будущее которых как хороших охотничьих собак подвергалось сомнению, в частности, уничтожались щенки чёрного цвета, так как впоследствии они не могли использоваться во время охоты в зимнее время. А. А. Дунин-Горкавич отмечает, что «из родившихся щенят остяк выбирает только хо-

роших, которых он и вскармливает, прочих он убивает чтобы избавить себя от излишних, непроизводительных трат на корм и чтобы сохранить силы матери, которую лишние щенки могли бы высасывать» [36, 87]. Собаку также убивали, если не могли отучить лаять на домашних оленей; уничтожались также ненужные и больные особи [37, 29–30; 24, 85; 38, 85; 31, 189]. У манси допускалось удушение старых собак специальной удавкой, чтобы помочь им «перебраться в мир иной» [19, 57].

Преднамеренное погребение собаки

О существовании обряда преднамеренного погребения собак, как выражения особого, почтительного к ней отношения, позволяют предположить отдельные упоминания о нём в этнографической литературе. Вероятно, наиболее прочно эта традиция закрепились у манси. Сведения, где упоминается о соблюдении соответствующих ритуалов, фиксируются на протяжении всей исто-

рии этнографического изучения вогулов-манси [39, 72, 77; 32, 208; 19, 56–57]. При этом отсутствует полное и детализированное описание самого обряда. Отмечаются лишь разные способы обустройства захоронений: это индивидуальные погребения, совершённые в ямах, на дереве (в дереве), на поверхности с укрытием трупа собаки ветками (закапыванием в снег), в деревянных

наземных сооружениях. Согласно представлениям нижнесосьвинских и обских манси, мёртвую собаку нужно было зарывать в определённом месте [40, 86].

В этнографической литературе представлены отрывочные сведения, фиксирующие локальные проявления некоторых ритуальных действий, связанных с погребением собаки, в основном, на территории проживания восточных хантов. При этом считается, что среди данной этнографической группы были распространены взгляды, что собак вообще нельзя закапывать в землю, ибо «собаку в землю закопать, все равно что себя закопать» [19, 58]. Отметим, что ассоциация «собака-человек» – исключительно древний сюжет в наиболее архаичных праформах животного эпоса у различных народов мира, где многие звери вначале предстают в качестве людей и лишь впоследствии, по различным причинам, приобретают животный облик [41, 25–31]. Однако, ваховские ханты иногда хоронили мёртвых собак, закапывая их в землю [30, 160]. Перед погребением на одну переднюю лапу привязывали красную тряпку, а на другую чёрную [30, 160; 42, 277]. Ляминские ханты могли хоронить собаку, завернув её в тряпку и оставив на поверхности, закидав ветками; иногда к лапам привязывали ленточки красного и чёрного цветов [19, 57, 59]. На р. Казым ханты «хоронят (закладывают ветками) умершую собаку, привязав к лапе тряпочку» [8, 291].

Интерпретация погребений собак на Войкарском городке

Контексты обнаружения погребений собак на Войкарском городке не позволяют нам интерпретировать их как результат обрядовых действий, связанных с домостроительными ритуалами («строительные жертвы»). Кроме того, этнографические материалы свидетельствуют о неразвитости традиции строительных жертв среди обских угров, во всяком случае, в таком виде. Примечательно, что К. Ф. Карьялайнен в своей работе, посвящённой исследованию религиозных представлений обских угров, не выделяет отдельных ритуальных действий, связанных с традицией домостроительства. Современные исследователи также отмечают, что в нарративных источниках обских угров эта сфера мифоритуальных представ-

лений практически не отражена [43], по крайней мере, в том, что касается освоения территории в период организации поселения и начального этапа строительных работ.

У юганских хантов к одной из передних лап умершей собаки привязывали кусочек меха пушного животного [24, 85].

Приведенные примеры, несмотря на их фрагментарность, тем не менее, свидетельствуют о том, что с данным обрядом был связан ряд устойчивых черт. При этом останки собаки могли сопровождаться определенными предметами. Информация о выборе мест для совершения погребений также носит отрывочный характер. Имеются сведения, что они могли устраиваться выше по течению реки того места, на котором стоит поселок [30, 160]; у юганских хантов такое место могло находиться к западу от поселения [24, 85].

Таким образом, традиции обских угров, связанные с негативным отношением к умерщвлению собак, не являлись безусловными. В силу определенных обстоятельств, имеющих как иррациональную, так и рациональную основу, допускалось игнорирование базовых норм в этой сфере. Однако, при этом, маловероятно, что значительное количество разрозненных костей собак, обнаруженных в поселенческих комплексах, можно связать с постоянным исполнением каких-либо ритуалов, сопровождаемых их жертвоприношениями. Этнографические материалы свидетельствуют, что для проведения подобных обрядов существовали особые места вне поселений [32, 118].

В то же время, с территорией оставленных поселений у обских угров связаны особые представления, вплоть до наделения их статусом священного места. Эти представления предполагали различные ритуальные действия на площади оставленных поселений (а также на площади отдельных жилищ) и ограничения в использовании этих земель [27, 65, 67; 37, 146]. Различные археологические проявления ритуалов оставления жилищ неоднократно рассматривались в литературе [44, 218–220], том числе и у обских угров (казымских хантов) [45,

262–263, 270]. По нашему мнению, данная серия археологических объектов является свидетельством того, что и войкарским хантам была известна традиция преднаме-

ренного умерщвления собак с последующим погребением на внутренней площади жилища в рамках ритуалов, связанных с его оставлением и последующим почитанием.

Примечания

1. Предварительные видовые определения палеозоологической коллекции 2012–2013 гг. были произведены к. б. н., н. с. Лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН О. П. Бачурой; определения костных останков, обнаруженных в постройке № 9 (2015 г.) выполнены к. б. н. С. К. Васильевым (ИАЭТ СО РАН).

2. С начала наших работ на памятнике (с 2012 г.) авторы используют свою нумерацию построек. Использование нумерации построек, исследованных ранее, оговаривается в тексте.

3. Фрагменты рогов оленя встречаются на памятнике повсеместно [12, 208], не образуют выраженных скоплений и, с большой вероятностью, не связаны с обнаруженными скоплениями костных остатков собак.

Список сокращений

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения российской академии наук;

Новосиб. гос. архит.-худ. акад – Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия;

Тобольский гос ист.-арх. музей-заповедник – Тобольский государственный историко-архитектурный музей;

Томский ун-т – Томский государственный университет;

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук.

Литература

1. Брусницына, А. Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения [Текст] / А. Г. Брусницына // Угры : мат-лы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск : Тобольский гос. ист.-арх. музей-заповедник, 2003. – С. 45–52.

2. Федорова, Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. [Текст] / Н. В. Федорова // Научный вестник. – 2006. – Вып. 4. – С. 11–17.

3. Новиков, А. В. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. [Текст] / А. В. Новиков, И. Ю. Слюсаренко, О. Л. Швец, П. К. Ломов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 года. – Том XVIII. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 262–266.

4. Новиков, А. В. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году [Текст] / А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша, А. Н. Шеин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : мат-лы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 год. – Том XIX. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С. 305–309.

5. Новиков, А. В. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 году [Текст] / А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша, А. Н. Шеин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 251–254.

6. Новиков, А. В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 г. [Текст] / А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша, О. И. Новикова, А. В. Кениг, М. В. Мороз // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XXI. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 620 с.

7. Гурская, М. А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) [Текст] / М. А. Гурская // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург ; Челябинск : Рифей, 2008. – С. 212–231.
8. Перевалова, Е. В. Северные ханты: этническая история / Е. В. Перевалова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 414 с.
9. Мартынова, Е. П. Войкарские ханты: кто они? [Текст] / Е. П. Мартынова // Культурное наследие народов Сибири и Севера : мат-лы Шестых Сибирских чтений. – СПб. : МАЭ РАН, 2005. – С. 121–126.
10. Гаркуша, Ю. Н. Некоторые особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка [Текст] / Ю. Н. Гаркуша, А. В. Новиков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XX. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 142–145.
11. Гаркуша, Ю. Н. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): архитектурные особенности, археолого-этнографические параллели [Текст] / Ю. Н. Гаркуша, А. В. Новиков // Баландинские чтения : сб. статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. – Т. X, Ч. 1. – Новосибирск : Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. – С. 51–61.
12. Бачура, О. П. Промысловые и домашние животные в хозяйственной деятельности населения городища Усть-Войкарский (XIV–XIX вв.) [Текст] / О. П. Бачура, А. Е. Некрасов // ВААЭ. – 2010. – № 2. – С. 206–213.
13. Кардаш, О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура [Текст] / О. В. Кардаш. – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Изд-во «Магеллан», 2009. – 360 с.
14. Кардаш, О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных [Текст] / О. В. Кардаш. – Екатеринбург ; Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2013. – 380 с.
15. Лобанова, Т. В. Хозяйственные, бытовые и ритуальные аспекты жизнедеятельности населения Полуйского мысового городка (по результатам анализа археозоологической коллекции) [Текст] / Т. В. Лобанова, О. В. Кардаш // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3. – С. 66–79.
16. Жельвис, В. И. Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) [Текст] / В. И. Жельвис // СЭ. – 1984. – № 3. – С. 135–143.
17. Косарев, М. Ф. Человек и природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов [Текст] / М. Ф. Косарев // Некоторые проблемы сибирской археологии. – М. : Наука, 1988. – С. 84–113.
18. Лукина, Н. В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии [Текст] / Н. В. Лукина // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1983. – С. 226–233.
19. Мошинская, В. И. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров [Текст] / В. И. Мошинская, Н. В. Лукина // Археология и этнография Приобья. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1982. – С. 46–60.
20. Перевалова, Е. В. Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижеобских хантов [Текст] / Е. В. Перевалова // Интеграция археологических и этнографических исследований : мат-лы IV Всероссийского научного семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В. И. Васильева. – Часть II. – Новосибирск ; Омск : [б.и.], 1996. – С. 83–87.
21. Мыльников, А. С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации [Текст] / А. С. Мыльников // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1989. – С. 7–37.
22. Новиков, А. В. Собаки в поселенческих комплексах лесостепного и южно-таежного Обь-Иртышья [Текст] / А. В. Новиков // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: материалы Всероссийской научной конференции. – Барнаул : Изд-во АГУ, 1997. – С. 175–179.
23. Новиков, А. В. Собаки в мировоззрении и ритуальной практике древнего населения лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири [Текст] / А. В. Новиков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1(5). – С. 72–84.
24. Федорова, Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси [Текст] / Е. Г. Федорова – СПб. : Европейский дом, 2000. – 368 с.
25. Старцев, Г. Остяки: социально-этнографический очерк [Текст] / Г. Старцев. – Л. : Прибой, 1928. – 152 с.
26. Материалы по фольклору хантов [Текст]. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1978. – 216 с.
27. Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов [Текст] / К. Ф. Карьялайнен. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1995. – 284 с.

28. Патканов, С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям [Текст] / С. К. Патканов // Сочинения : в 2-х т. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2. – С. 21–111.
29. Перевалова, Е. В. Река Аган и её обитатели [Текст] / Е. В. Перевалова, Г. К. Карачаров. – Екатеринбург ; Нижневартовск : УрО РАН ; Студия «ГРАФО», 2006. – 352 с.
30. Кулемзин, В. М. Человек и природа в верованиях хантов [Текст] / В. М. Кулемзин. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. – 192 с.
31. Соколова, З. П. Северные ханты: полевые дневники [Текст] / З. П. Соколова. – М. : ИЭА РАН, 2011. – 353 с.
32. Перевалова, Е. В. Обдорские князья Тайшины: историко-этнографический очерк [Текст] / Е. В. Перевалова // Древности Ямала. – Вып. 1. – Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2000. – С. 152–190.
33. Источники по этнографии Западной Сибири [Текст]. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. – 284 с.
34. Гондатти, Н. Л. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь [Текст] / Н. Л. Гондатти // Лукич. – 2000. – № 4. – С. 96–144.
35. Носилов, К. Д. У вогулов: очерки и наброски [Текст] / К. Д. Носилов. – СПб. : Издание А. С. Суворина, 1904. – 254 с.
36. Гондатти, Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. (Из VIII книги Трудов Этнографического Отдела) [Текст] / Н. Л. Гондатти. – М. : Типография Е. Г. Потапова, 1888. – 91 с.
37. Новиков, А. В. А. А. Дунин-Горкавич – исследователь традиционного собаководства аборигенного населения Западной Сибири : мат-лы научно-практической конференции III Берсовские чтения (к 95-летию А. А. Берса и 90-летию Е. М. Берс): г. Екатеринбург, сентябрь 1997 [Текст] / А. В. Новиков. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. – С. 85–89.
38. Кулемзин, В. М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1977. – 226 с.
39. Лукина, Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии [Текст] / Н. В. Лукина. – Т. 1 : Васюган. – Томск ; Екатеринбург : ТГУ, 2004. – 336 с.
40. Идес, И. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695 гг.) [Текст] / И. Идес, А. Бранд – М. : Наука, 1967. – 404 с.
41. Федорова, Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси [Текст] / Е. Г. Федорова. – СПб. : МАЭ РАН, 1994. – 288 с.
42. Костюхин, Е.А. Типы и формы животного эпоса / Е.А. Костюхин. – М.: Наука: главная редакция восточной литературы, 1987. – 270 с.
43. Лукина, Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья: источники по этнографии [Текст] / Н. В. Лукина. – Томск : ТГУ, 2005. – Т. 2 : Средняя Обь. Вах. – Кн. 1. – 352 с.
44. Морозов, В. М. Домостроение у обских угров (по данным различных источников) [Текст] / В. М. Морозов // Знание и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург : Наука, 1993. – С. 192–203.
45. Новикова, О. И. Археологические свидетельства ритуалов оставления жилища [Текст] / О. И. Новикова, М. С. Нестерова // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск : Аграф-Пресс, 2010. – С. 218–220.
46. Новиков, А. В. Этнокультурное взаимодействие казымских ханты и восточнославянского населения в XVIII–XIX веках (на примере домостроительных традиций) [Текст] / А. В. Новиков // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург ; Сургут : Уральское издательство, 2008. – 300 с.

References

1. Brusnitsyna A. G. *Gorodishche Ust'-Vojkarskoe. Nachalo izucheniya* [Ust-Vojkarsky settlement. The beginning of the research]. *Ugry. Materialy VI-go Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri"* [Ugrians. Materials of the VI Siberian Symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia"]. Tobolsk, 2003. pp. 45–52. (In Russian).
2. Fedorova N. V. *Vojkarskij gorodok. Itogi raskopok 2003-2005 gg.* [Voykarskiy town. The results of excavations of 2003–2005]. *Nauchnyj vestnik* [Scientific Bulletin], 2006, no. 4, pp. 11–17.
3. Novikov A. V., Slyusarenko I. Yu., Shvets O. L., Lomov P. K. *Predvaritel'nye rezul'taty issledovanij na Vojkarskom gorodke v 2012 g.* [Preliminary results of the research at Voykarskiy town in 2012]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Materialy Itogovoj sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2012 goda* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of

- Siberia and adjacent territories. Materials of the Final Session of the Institute of archaeology and ethnography of SB RAS of 2012]. Novosibirsk, 2012, vol. 18. pp. 262–266. (In Russian).
4. Novikov A. V., Garkusha Yu. N., Shein A. N. *Arkheologo-geofizicheskie issledovaniya Voykarskogo gorodka v 2013 godu* [Archaeological and geophysical reseaches of Voykarskiy town in 2013]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Materialy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2013 goda* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Materials of the Final Session of the Institute of archaeology and ethnography of SB RAS of 2013]. Novosibirsk, 2013, vol. 19. pp. 305–309. (In Russian).
5. Novikov A. V., Garkusha Yu. N., Shein A. N. *Prodolzhenie arkheologo-geofizicheskikh issledovanij Voykarskogo gorodka v 2014 godu* [Continuation of archeological and geophysical researches of Voykarskiy town in 2014]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2014, vol. 20, pp. 251–254.
6. Novikov A. V., Garkusha Yu. N., Novikova O. I., Kenig A. V., Moroz M. V. *Gorodishche Ust'-Voykarskoe (Voykarskiy gorodok): prodolzhenie issledovanij v 2015 g.* [Ust-Voykarskiy (Voykarskiy) settlement: continuation of research in 2015]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2015, vol. 21, pp. 365–369.
7. Gurskaya M. A. *Dendrokronologicheskaya datirovka arkheologicheskikh obraztsov drevesiny gorodishcha Ust'-Voykarskogo (Severo-Zapadnaya Sibir')* [Dendrochronological dating of archeological wood samples from Ust-Voykarskiy settlement (North-Western Siberia)]. *Fauna i flora Severnoj Evrazii v pozdnem kajnozoe* [The fauna and flora of Northern Eurasia in the late Cenozoic], 2008, pp. 212–231.
8. Perevalova E. V. *Severnye khanty: etnicheskaya istoriya* [The Northern Khanty: ethnic history]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2004.
9. Martynova E. P. *Voykarskie khanty: kto oni?* [The Voykar Khanty: Who are they?]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy Shestyx Sibirskikh chtenij* [The cultural heritage of peoples of Siberia and the North: Materials of the XVI-th Siberian readings]. Saint-Petersburg, 2005. pp. 121–126. (In Russian).
10. Garkusha Yu. N., Novikov A. V. *Nekotorye osobennosti arkhitektury i prostranstvennoj organizatsii Voykarskogo gorodka* [Some specific features of architecture and arrangement of space of Voykarskiy settlement]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories], 2014, vol. 20. pp. 142–145.
11. Garkusha Yu. N., Novikov A. V. *Ob odnom iz tipov derevyannykh postroek gorodishcha Ust'-Voykarskoe (Nizhnee Priob'e): arkhitekturnye osobennosti, arkheologo-etnograficheskie paralleli* [About one type of wooden structures of Ust-Voykarskiy settlement (Lower Ob region): architectural features, archeological and ethnographic parallels]. *Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnykh chtenij pamyati S.N. Balandina* [Balandin's readings: collection of articles of scientific readings in memory of S. N. Balandin]. Novosibirsk, 2015. pp. 51–61. (In Russian).
12. Bachura O. P., Nekrasov A. E. *Promyslovye i domashnie zhivotnye v khozyajstvennoj deyatel'nosti naseleniya gorodishcha Ust'-Voykarskiy (XIV-XIX vv.)* [Hunted and domestic animals in the economic activities of the population living in Ust-Voykarskiy settlement (14th–19th centuries)]. *VAAE* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography], 2010, no. 2. pp. 206–213.
13. Kardash O. V. *Nadymskij gorodok v kontse XVI – pervoj treti XVIII vv. Istoriya i material'naya kul'tura* [Nadym settlement in the late 16th–first third of the 18th centuries. History and material culture]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Izd-vo "Magellan" Publ., 2009.
14. Kardash O. V. *Polujskiy mysvoj gorodok knyazej Tajshinykh* [Poluyskiy foreland settlement of the Tayshins' princelings]. Ekaterinburg; Neftyugansk: Izd-vo "Magellan" Publ., 2013.
15. Lobanova T. V., Kardash O. V. *Khozyajstvennye, bytovye i ritual'nye aspekty zhiznedeyatel'nosti naseleniya Polujskogo mysovogo gorodka (po rezul'tatam analiza arkheozoologicheskoy kollektzii)* [Household, daily and ritual aspects of life of the population inhabiting Poluyskiy cape settlement]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], 2014, no. 3, pp. 66–79.
16. Zhelvis V. I. *Chelovek i sobaka (vospriyatie sobaki v raznykh etnokul'turnykh traditsiyakh)* [A human and a dog (perception of a dog in different ethnic and cultural traditions)]. SE [Soviet encyclopedia], 1984, no. 3, pp. 135–143.
17. Kosarev M. F. *Chelovek i priroda v svete sibirskikh etnograficheskikh i arkheologicheskikh materialov* [A human and nature in the light of Siberian ethnographic and archeological materials]. *Nekotorye problemy sibirskoj arkheologii* [Some problems of Siberian archeology], 1988, pp. 84–113.

18. Lukina N. V. *Formy pochitaniya sobaki u narodov Severnoj Azii* [Forms of worship of a dog among the peoples of Northern Asia]. *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii* [Areal research in linguistics and ethnography], 1983, pp. 226–233.

19. Moshinskaya V. I., Lukina N. V. *O nekotorykh osobennostyakh v otnoshenii k sobake u obskikh ugrov* [About some specific aspects of regard to a dog among the Ob Ugric peoples]. *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archaeology and ethnography of Priobye], 1982, pp. 46–60.

20. Perevalova E. V. *Dve traditsii v sakral'nom otnoshenii k sobake u nizhneobskikh khantov* [Two traditions in sacred regard to a dog among the Lower Ob Khanty]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij. Materialy IV Vserossijskogo nauchnogo seminar, posvyashchennogo 60-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Vasil'eva* [The integration of archaeological and ethnographic research. Materials of the IV-th All-Russian Scientific Seminar, devoted to the 60-th anniversary from the birthday of V. I. Vasilyev. Part II]. Novosibirsk; Omsk, 1996, pp. 83–87. (In Russian).

21. Mylnikov A. S. *Yazyk kul'tury i voprosy izucheniya etnicheskoj spetsifiki sredstv znakovoj kommunikatsii* [The language of culture and the problems of studying of the means of semantic communication specific]. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of the sign means of culture], 1989, pp. 7–37.

22. Novikov A. V. *Sobaki v poselencheskikh kompleksakh lesostepnogo i yuzhno-taezhnogo Ob'-Irtysh'ya* [Dogs in the settlement complexes of the forest-steppe and the Southern-taiga Ob-Irtysh region]. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnykh obschestv Zapadnoi Sibiri. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia. Materials of All-Russian scientific conference]. Barnaul, 1997, pp. 175–179. (In Russian).

23. Novikov A. V. *Sobaki v mirovozzrenii i ritual'noi praktike drevnego naseleniya lesostepnoi i yuzhno-taezhnoi zon Zapadnoi Sibiri* [Dogs in the worldview and ritual practices of the ancient population living in the forest-steppe and the Southern-taiga areas of Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia], 2001, no. 1 (5), pp. 72–84.

24. Fedorova E. G. *Rybolovy i okhotniki basseina Obi: problemy formirovaniya kul'tury khantov i mansi* [Fishers and hunters of the Ob River Basin: Problems of formation of the Khanty and Mansi culture]. Saint-Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2000. 368 p.

25. Startsev G. *Ostyaki: sotsial'no-etnograficheskii ocherk* [The Ostyaks: social and ethnographic essay]. Leningrad: Priboi Publ., 1928. 152 p.

26. *Materialy po fol'kloru khantov* [Materials on the Khanty folklore]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1978. 216 p.

27. Karyalainen K. F. *Religiya yugorskikh narodov* [Religion of the Yugra peoples]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., vol. 2. 1995. 284 p.

28. Patkanov S. K. *Tip ostyatskogo bogatyrya po ostyatskim bylinam i geroicheskim skazaniyam* [The type of the Ostyak hero according to the Ostyak folk tales and heroic epics]. *Sochineniya v dvukh tomakh: T. 2* [Works in two volumes: vol. 2]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki Publ., 1999. pp. 21–111.

29. Perevalova E. V., Karacharov G. K. *Reka Agan i ee obitateli* [The River of Agan and its inhabitants]. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN; Studiya "GRAFO" Publ., 2006. 352 p.

30. Kulemzin V. M. *Chelovek i priroda verovaniyakh khantov* [Human and nature in the beliefs of the Khanty]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1984. 192 p.

31. Sokolova Z. P. *Severnye khanty (Polevye dnevniki)* [The Northern Khanty (Field journals)]. Moscow: IEA RAN Publ., 2011. 353 p.

32. Perevalova E. V. *Obdorskie knyaz'ya Tajshiny (istoriko-etnograficheskii ocherk)* [The Obdorsk princelings Tayshin (historical and ethnographic essay)]. *Drevnosti Yamala* [The antiquity of Yamal], 2000. No. 1, pp. 152–190.

33. *Istochniki po etnografii Zapadnoi Sibiri* [Sources on ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1987. 284 p.

34. Gondatti N. L. *Predvaritel'nyi otchet o poezdke v Severo-Zapadnuyu Sibir'* [Preliminary report about the journey to North-Western Siberia]. *Lukich* [Lukich], 2000, no. 4, pp. 96–144.

35. Nosilov K. D. *U vogulov. Ocherki i nabroski* [Among the Voguls. Essays and sketches]. Saint-Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina Publ., 1904. 254 p.

36. Gondatti N. L. *Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoi Sibiri* [Traces of paganism among the indigenous peoples of the North-Western Siberia]. *Iz VIII knigi Trudov Etnograficheskogo Otdela* [From the 8th book of the Works of the Ethnographic Department]. Moscow: Tipografiya E.G. Potapova Publ., 1888. 91 p.

37. Novikov A. V. *A. A. Dunin-Gorkavich – issledovatel' traditsionnogo sobakovodstva aborigennogo naseleniya Zapadnoi Sibiri* [A.A. Dunin-Gorkavich as the researcher of traditional dog breeding among the indigenous peoples of Western Siberia]. *III Bersovskie chteniya. K 95-letiyu A. A. Bersa i 90-letiyu E. M. Bers. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii. g. Ekaterinburg, sentyabr' 1997* [The 3rd Bersovsk readings. To the 95th anniversary of A. A. Bers and the 90th anniversary of E. M. Bers. Materials of the scientific-practical conference. Ekaterinburg, September, 1997]. Ekaterinburg, 1999, pp. 85–89. (In Russian).
38. Kulemzin V. M., Lukina N. V. *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX vv.* [The Vasyugan-Vakh Khanty in late 19th–early 20th centuries]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1977. 226 p.
39. Lukina N. V. *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii. T. 1: Vasyugan* [The Khanty from Vasyuganye to the Polar region. Sources of ethnography. Vol. 1: Vasyugan]. Tomsk; Ekaterinburg: TGU Publ., 2004. 336 p.
40. Ides I., Brand A. *Zapiski o russkom posol'stve v Kitai (1692–1695 gg.)* [Notes about the Russian Embassy to China (1692–1695)]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 404 p.
41. Fedorova E. G. *Istoriko-etnograficheskie ocherki material'noi kul'tury mansi* [Historical and ethnographic essays of the material culture of the Mansi]. Saint-Petersburg: MAE RAN Publ., 1994. 288 p.
42. Kostyukhin E. A. *Tipy i formy zhyvotnogo eposa* [Types and forms of animal epics]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1987. 270 p.
43. Lukina N. V. *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii. T. 2: Srednyaya Ob'. Vakh. Kn. 1* [The Khanty from Vasyuganye to the Polar region. Sources of ethnography. Vol. 2: Middle Ob. Vakh. Book 1]. Tomsk: TGU Publ., 2005. 352 p.
44. Morozov V. M. *Domostroenie u obskikh ugrov (po dannym razlichnykh istochnikov)* [Housebuilding among the Ob Ugric peoples (according to different sources)]. *Znanie i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'e* [The knowledge and skills of the Ural population in antiquity and the Middle Ages]. Ekaterinburg: Nauka Publ., pp. 192–203.
45. Novikova O. I., Nesterova M. S. *Arkheologicheskie svidetel'stva ritualov ostavleniya zhilishcha* [Archeological evidences of the rituals of leaving of the dwelling]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in historical context: the experience of West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Tomsk: Agraf-Press Publ., 2010. pp. 218–220.
46. Novikov A. V. *Etnokul'turnoe vzaimodeistvie kazym'skikh khantov i vostochnoslavyanskogo naseleniya v XVIII–XIX vekakh (na primere domostroitel'nykh traditsiy)* [Ethnic and cultural interaction of the Kazym Khanty and the East Slavic population in the 18th–19th centuries (on the example of housebuilding traditions)]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Mountain: the ancient of taiga Priobye]. Ekaterinburg; Surgut: Ural'skoe izdatel'stvo Publ., 2008. pp. 262–274.